

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. С. ГОЛУБЦОВА, *Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III веков*, М., «Наука», 1977, 240 стр.

Рецензируемая книга — третья монография Е. С. Голубцовой, посвященная сельскому населению Малой Азии. Доказав в своих первых двух монографиях прочность общинных отношений в среде малоазийского крестьянства, проанализировав различные типы общин на государственной и городской территориях и диалектику их развития, определявшуюся большим или меньшим влиянием сперва эллинистических, а затем римских институтов (в первую очередь городов), преобладанием центростремительных или центробежных сил, Е. С. Голубцова заложила прочный фундамент для изучения идеологии общинников изучаемого ею региона Римской империи.

Книга состоит из введения, четырех глав (1. Сельская община и ее боги-покровители; 2. Эллинская и римская мифология в представлении сельского жителя Малой Азии; 3. Социальные и этические элементы в мировоззрении общинников; 4. Сельская община и христианство), а также заключения, библиографии, указателя имен и, что особенно важно, развернутого (10 страниц) резюме на французском языке. Учитывая растущий интерес к нашим работам среди античников как социалистических, так и капиталистических стран, включение автором в книгу такого резюме следует всячески приветствовать. В монографии помещены снимки ряда памятников, знакомящие читателя и с образцами искусства сельского населения Малой Азии, и с его представлениями об иконографии наиболее почитаемых богов, о посмертной судьбе души и т. п.

Е. С. Голубцова, привлекая чрезвычайно обширный эпиграфический и иконографический материал, подробно и достаточно убедительно вскрывает характер религиозных верований крестьянства, наиболее полно представленных в источниках, значительно более скудно отражающих этические представления. Автор начинает с божеств местного пантеона, а затем переходит к божествам греческим и их трансформации на туземной почве. К первым относится наделявшаяся разными именами и эпитетами, повсеместно чтившаяся богиня Мать, Мать богов, Великая мать, затем боги Мен, Атис, Тиос, Паший. Эти божества, в особенности богиня Мать, могли выступать и как общегосударственные божества, так сказать, общечеловеческие с соответственными эпитетами, указывавшими на их величие и могущество, но могли восприниматься и как специальные покровители той или иной деревенской общины, с локальными эпитетами, производными от наименования такой общины. Соответственно многочисленные случаи, представляющие собой лишнее и достаточно убедительное доказательство прочности и живучести общины, Е. С. Голубцова рассматривает особенно детально. Она отмечает, что боги постоянно изображались с сельскохозяйственными атрибутами: колосьями, виноградными лозами, земледельческими орудиями, быками, впряженными в повозку или плуг, домашними животными, головами быков; встречается также изображение Мена с головой быка. С такого рода изображениями согласуются и высеченные на памятниках надписи, содержащие просьбы к богам сохранить урожай, дать изобилие плодов, даровать плодородие и здоровье людям и скоту. Таким образом,

каков бы ни был характер этих божеств в прошлом¹, для крестьянина, как подчеркивает Е. С. Голубцова, они были в первую очередь сельскохозяйственными богами, призванными удовлетворять его непосредственные нужды. Автор приводит много примеров такой непосредственной связи повседневных забот дедиканта с его обращением к божеству, т. е. постоянного ощущения крестьянином близости божества, его присутствия не как некоего бесконечно далекого, грозного своим всемогуществом мирового начала, а как находящегося всегда рядом помощника, как бы члена той же общины, к которой принадлежал и сам крестьянин.

Отсюда такие, например, посвящения, как «богам и кометам», как бы двум группам сочленов общины, различным по своим возможностям и силе, но неразрывно связанным между собой. Отсюда же и другая отмеченная автором чрезвычайно важная черта: демократичность и коллективистичность общинной религии. Община при всех существовавших в ней реально социальных градациях (свободные полноправные общинники, неполноправные, возможно находившиеся на той или иной степени зависимости, отпущенники, рабы) все же воспринималась как единое целое, от благополучия которой, «дарованного божеством», зависело благополучие каждого ее сочлена. Поэтому мольбы к божеству-покровителю возносились за всех жителей деревни, и каждый из них, будь то раб или жрец, мог обратиться к этому божеству со своими просьбами. Как справедливо подчеркивает Е. С. Голубцова, коллективистичность и демократичность общинной религии были важными факторами, цементирующими единство общины, были естественным результатом и неотъемлемой частью всей ее социально-экономической структуры.

Положения автора находят новое убедительное подтверждение, когда Е. С. Голубцова обращается к исследованию культа воспринятых малоазиатским крестьянством греческих богов. Зевс, Аполлон, Артемида, Дионис, Деметра, издавна имевшие общегосударственный культ и соответственные общезначимые функции и эпитеты, в крестьянской среде в ряде случаев, как и местные божества, во-первых, приобретают ярко выраженный сельскохозяйственный характер подателей плодородия, а во-вторых, получают локальные, производные от названий деревень эпитеты, выступая опять-таки как покровители тех или иных общин или как покровители деревни вообще, как, например, Зевс Коматик. Особенно характерны локальные эпитеты как раз для Зевса, культ которого был широко распространен. И он, и другие боги призываются как помощники земледельца и скотовода. Так, Дионис в большинстве случаев в первую очередь — бог виноградарства. Любопытно, что, по наблюдениям автора, Аполлон нередко изображался с волком, т. е. он, видимо, почитался, как и в Греции, как Аполлон пастушеский, тесно связанный с волком.

Община в Малой Азии сохраняла многовековую устойчивость, что и подтверждается приводимыми автором фактами, характеризующими религиозное сознание общинников, неизменно приспособляющихся к своему мировосприятию и своим, и заимствованным богам. Но, как показала Е. С. Голубцова в своих предыдущих исследованиях, результаты которых кратко суммируются и в рецензируемой монографии, ни устройство общин, ни степень их устойчивости не были одинаковы для всех сельских поселений обширной и весьма пестрой по своим социально-экономическим структурам Малой Азии. Наряду с силами, способствовавшими прочности и консолидации общины, действовали и силы, разрушавшие ее демократическое и относительно эгалитарное устройство, разлагавшие ее, способствовавшие обострению социального неравенства, обострению противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми, полноправными и неполноправными, коренными членами общины и поселившимися на

¹ Допустимо, например, предположить, что богиня Мать, выступавшая и под именем Кибелы, связанной как со львами, так и с погибшим пастухом Аттисом, могла некогда быть «госпожой леса», «хозяйкой зверей», мифы об отношениях которой с погубленным ею смертным возлюбленным (охотником или пастухом) были распространены у самых разных народов, а Мен, в его связи с быком, луной и до сих пор загадочным символом двойной секиры, мог быть неким божеством большого общего значения, героем некоего развитого мифа.

ее территории пришельцами со стороны. Такие процессы должны были неизбежно иметь своим следствием ослабление коллективизма, а значит, и отчуждение части жителей от окружающей общественной среды, поиски социальной справедливости и соответственно нового отношения к божеству, нового осознания его сущности и функций.

Целый ряд приводимых Е. С. Голубцовой фактов показывает, что такие процессы действительно имели место. Те или иные боги перестают восприниматься как покровители мелких коллективов, теряют свою, так сказать, «приземленность», приобретают общемировую, общий для всего человечества облик, связываются с определенными социально-этическими представлениями, тогда как в культе общинных богов такие моральные нормы выражения почти не нашли, скорее всего потому, что коллективная общинная мораль, зиждившаяся на многовековых традициях, сама собою подразумевалась и в особой фиксации не нуждалась.

Видимо, в первую очередь к таким — отличным от типично общинных — богам должен быть отнесен Гелиос, не встречающийся с локальными эпитетами, но зато чтимый как Справедливый. Е. С. Голубцова отмечает его популярность, наличие фисов его почитателей и высказывает убедительное предположение о том, что именно распространность культа Гелиоса Справедливого среди низших слоев населения Малой Азии обусловила успех идеологии, проповедовавшейся Аристоником, а может быть, и самый ее генезис. Предположение это подкрепляется тем, что, как установлено автором, дедиканты, обращавшиеся к Солнцу, часто люди неполноправные, не указывавшие имени своего отца. Как солнечный бог в ряде случаев воспринимался также пользовавшийся большой популярностью Аполлон, и культ его в известной мере сливался с культом Гелиоса. Е. С. Голубцова подробно останавливается на культе Аполлона Лермена (последнее имя или эпитет писали по-разному), в храме которого найдены макумиссии в форме посвящения рабов богу. Автор задается вопросом, чем вызвана популярность этого бога и его отдаленного от поселений горного святилища. Вообще определить, почему какой-либо бог того или иного пантеона приобретал особую известность и какой-то его храм начинал привлекать многочисленных паломников, всегда крайне затруднительно, тем более что в разных случаях могли действовать разные причины (близость святилища к целебному источнику, рост влияния племени, особо чтившего этого бога, учреждение его мистерий, распространение легенд о его чудотворной силе и т. п.). Но в случае с Аполлоном Лерменом допустима, возможно, аналогия с италийской богиней Феронией, в храме которой, по древнему обычаю неизвестного нам происхождения, рабы получали свободу, что сделало эту богиню популярной в низших слоях италийского населения. Если данная аналогия справедлива, она может служить лишним подтверждением социальных мотивов, связанных с близким неполноправному сельскому населению культом отождествлявшегося с Солнцем Аполлона.

Очень значательно, что, по наблюдениям Е. С. Голубцовой, греческим богам без локального эпитета, например Зевсу Величайшему, Зевсу Бронтону, Зевсу Сотеру и др., часто ставили памятники рабы, отпущенники, пришлые, чуждые общине элементы. Наблюдение это, будучи сопоставлено с примерами из многих других областей Империи, может служить иллюстрацией некоторых немаловажных для истории религии римского времени обстоятельств. Во-первых, можно констатировать, что человек, оторвавшийся от своей общины, начинает воспринимать божество уже не как некую органическую часть своего маленького коллектива, частью которого был и он сам, но как обладателя божественного могущества в значительно больших масштабах, вплоть до власти над всем человечеством, всем космосом. Ярким примером такого процесса служит развитие культа богинь Матерей в некоторых западных провинциях. Для члена рода, маленького племени, сельской общины эти богини, наделявшиеся соответственными эпитетами, были родоначальницами и покровительницами такой кровнородственной или территориальной общины. По мере перемещения людей в другие места, разрыва старых и образования новых связей Матери становились богинями больших племен (например, Матери тревиров), целых народов (например, Матери паннонские и галльские), наделялись уже не локальными, а общезначимыми эпитетами (подательниц блага, делительниц и т. п.), и, наконец, они сливаются в образ одной великой богини

Матери, общей для всего человеческого рода. Во-вторых, такое уже не ограниченное узкими пределами рода или села божество становится для «маленького человека» гарантом соблюдения моральных норм и социальной справедливости в значительно более широких, с его точки зрения общечеловеческих, масштабах, и он, когда такие нормы в отношении его нарушаются, обращается за помощью к богу. К какому именно богу обратится, зависит уже от его личного, индивидуального выбора, и он, естественно, наделяет избранное им божество наибольшей властью, значимостью и всеми теми функциями, которые обычно приписывались другим богам. Отсюда тенденция к монотеизму, к противопоставлению справедливой и милосердной власти бога несправедливой и жесткой власти земных правителей, тенденция достаточно заметная в идеологии низших классов Империи и где-то смыкавшаяся с философским монотеизмом интеллигенции, имевшим свои корни и свой путь развития. Вместе с тем, поскольку «маленьким людям» был чужд индивидуализм высших классов, они создавали свои организации для совместного почитания избранного ими божества, и недаром малоазийское крестьянство образовывало фисы Гелиоса и Диониса, бога, вокруг образа которого создавались многие мифы и доктрины, импонировавшие как высшим и средним классам, так и интерпретировавшим их по-своему классам эксплуатируемым и социально приниженым.

Все вышесказанное превосходно подтверждается собранным и обработанным автором богатым материалом. Она показывает, как наряду с общинными культами богов-покровителей общины распространяются культы лишенных локальных эпитетов богов «Спасителей», «Великих», «Справедливых», изображавшихся, как Гелиос и Аполлон, иногда с нимбом над головой, в ряде случаев фигурировавших уже не как некое множество, а как единый великий и справедливый бог. Такой бог мог быть противопоставлен императору, обязательный культ которого, как говорят приводимые Е. С. Голубцовой многие примеры, сопровождался попытками представить обожествленного императора как высшего властителя вселенной, тождественного в ряде случаев Дионису и Солнцу. Последнее обстоятельство, кстати сказать, имеет большое значение для изучения генезиса официальной идеологии III в. Обычно ее тесную связь с солярными культами объясняют влиянием исконных восточных жреческих учений, обосновывающих божественность государя его солнечной природой (происхождением от Солнца, причастности к власти Солнца над миром и т. п.). Но данные Е. С. Голубцовой показывают, что солярная мистика верховной власти была распространена и в широких массах населения восточных провинций, а следовательно, императоры III в., особенно старавшиеся представить себя защитниками и благодетелями «маленьких людей» (вспомним обращенные к ним петиции крестьян, написанные по некоему определенному шаблону с обязательной ссылкой на наступивший в правление данного императора золотой век), могли, вырабатывая свою официальную идеологию, принимать во внимание и веру крестьян в Гелиоса Справедливого.

Взаимодействие императорского культа и культа бога «высочайшего», «всемогущего», «справедливого» и т. п. в среде массы крестьянского населения было, видимо, очень сложно и во многом противоречиво (оппозиция все растущему сверху нажиму сочеталась с «наивным монархизмом», с верой в то, что император может и хочет защитить от притеснителей), но оба эти направления также способствовали распространению монотеизма, веры в высшую божескую справедливость, в заботу бога об униженном и обиженном, независимо от его статуса, от его принадлежности к тому или иному коллективу. Бог заботился уже не о мелких повседневных делах, хотя верующий и обращался к нему с просьбой о здоровье, освобождении от рабства и т. п., но о миропорядке в масштабах всего мира, всего человечества. Вместе с тем отношения между адептом и богом выжились уже не на освященных веками традициях коллектива, а становились, так сказать, более личными, обусловленными так или иначе выраженной волей бога, будь то в мистериях, во сне, в видении, в пророческом экстазе, когда верующий якобы «исполнялся божеством».

Такие представления, многократно засвидетельствованные различными источниками для всей территории Империи, открывали путь к восприятию христианства.

Глава, посвященная векам перехода от язычества к христианству в малоазийской деревне, представляет в этом плане особый интерес. Пересматривая целый ряд надписей, относимых их издателями к христианским, Е. С. Голубцова подходит к проблеме с большой осторожностью, отмечает все стоящие на пути к ее разрешению трудности, ее неразработанность и дает свою интерпретацию происходивших в идеологической жизни сельского населения процессов. Автор показывает их сложность: с одной стороны, приверженность общины к ее исконным традициям и верованиям и, с другой, восприятие христианства уже не как общинного культа, а как религии отдельных индивидов. Но то обстоятельство, что они продолжали оставаться общинниками, приводило к замедленности освоения христианской символики и догматики. Отсюда гибридные памятники, в которых смешиваются традиционные и христианские символы, формулы эпитафии (в частности, проклятий осквернителям могил) и изображения. Христианство лишь постепенно их вытесняло, возможно, как это было и в других областях римского и внеримского мира, ассимилируя многое из старых традиций. Остается только пожалеть, что Е. С. Голубцова не остановилась на сложном и спорном вопросе о монтеизме, который, видимо, имел многих сторонников среди сельского населения, привнесшего в эту «ересь» кое-что из своих представлений и настроений.

Как мы видим, рецензируемая работа представляет большой интерес. Она дает не только обильный, должным образом проанализированный материал по идеологии малоазийского крестьянства, непосредственно связанной со всем строем его жизни, но предоставляет и богатые возможности для сравнения с тем, что нам известно в рассматриваемом плане о других областях Римской империи. Такое сравнение, последовательно проведенное, может показать, в какой мере образ жизни крестьянина, в частности прочность и тип крестьянской общины, влияет на его религиозные представления, что в них имеется сходного, при всех конкретных, обусловленных этнической принадлежностью, генезисом местных традиций различиях.

В Малой Азии общины были сельские, территориальные, и боги, туземные и греческие, получают эпитеты, производные от наименования сел. То же мы видим во Фракии, где также господствовала территориальная община. Напротив, там, где еще сохранялись кровнородственные общины, — в прирейнских областях, кое-где в Галлии, в северо-западных районах Испании, — боги и богини, местные и римские, получают эпитеты и имена от названий таких кровнородственных коллективов и охотно отождествляются с Ларами, покровителями, а возможно, и родоначальниками римской фамилии, или Генциями, некогда божествами римского рода. В областях первого типа боги обычно выступают как отдельные персонажи с определенным именем, функциями, иконографией. В областях второго типа еще очень большую роль играют коллективы божеств, как те же Матери, или Матроны, иногда отождествлявшиеся с воспринимавшимися как множество Юонами, Тривиями, Квадривиями и т. п. Из числа таких множеств лишь постепенно, как уже упоминалось выше, начинает выделяться одно, надежное индивидуальными чертами и именем божество. В Малой Азии отдаленной реминисценцией такого этапа может быть упоминаемая Е. С. Голубцовой четырехликая богиня, представляемая иногда в виде четырех отдельных богинь. Там, где некогда было распространено обожествление царей или вождей из родоплеменной знати, сражавшихся на колесницах или верхом, сохранялись общинные культы богов-колесничих и всадников. Культ богов-всадников был более или менее повсеместен, но особенно ценно было бы сравнить богов-всадников Фракии и Малой Азии. Первые всегда выступают как охотники или воители, повергающие кабана или попирающие распростертую человеческую фигуру, что, видимо, было, в общем, чуждо иконографии малоазийских всадников. Причины такого различия, вероятно восходящие к глубокой древности, интересно было бы установить. Судя по данным Е. С. Голубцовой, в Малой Азии лишь изредка встречается столь распространенный во Фракии Герой, который мог быть и богом-всадником, и героизированным покойником. Зато повсеместно распространены на могилах изображения загробного пира, также связанного с героизацией умершего. Так сказать, «демократизация» героизации, прежде бывшей привилегией лишь немногих избранных, весьма характерное для эпохи империи явление.

Очень показательное сходство в Галлии, частично Италии и в Малой Азии обычая изображать на памятниках орудия труда, в первых двух случаях в основном ремесленного, в последнем — сельскохозяйственного. Обычай этот, несомненно, свидетельствует о высоком уважении к труду, жившем в низших классах (в противоположность презрению к физической работе и занятому ею человеку в классах господствующих). Может быть, в соответственном плане можно было бы истолковать различия в изображениях быков, впряженных в повозку или в плуг. Повозка в разных частях Империи представляла собой средство передвижения покойного в загробный мир, сменив в этом смысле колесницы, которые в более отдаленные времена изображались на гробницах знати или помещались в самые гробницы. Возможно, такую же роль играла повозка на малоазийских надгробиях, но именно из желания показать покойного как прилежного и искусного труженика она была переосмыслена как средство производства и в ряде случаев заменена плугом.

Сходство общинной идеологии в самых различных, отдаленных друг от друга районах сказывается особенно наглядно в отношении к божеству как хранителю и почти что союзнаку общины. Приводимая Е. С. Голубцовой формула посвящения «богам и кометам» находит полную аналогию в североиталийских районах, населенных кельтами и лигурами, которые жили общинами. Здесь встречается посвящение *Matronis et vicinis*, а *Iuppiter Paganicus* полностью соответствует Зевсу Кометику. Сходство наблюдается и в организации культа, в наличии сельских святилищ и жрецов, которые, например в тех же северных районах Италии, сохраняют свои кельтские наименования.

Все это огромное множество фактов еще не было обобщено с сравнительно-исторической и социологической точек зрения. Но уже сейчас можно заметить все их значение для истории развития религиозных и этических представлений, хотя бы в рамках Римской державы, и их глубокую связь с развитием социально-экономических структур. Книга Е. С. Голубцовой, несомненно, вносит ценный вклад в разработку этой весьма перспективной для историка-марксиста проблемы.

Более частное, но также немаловажное значение книги состоит и в том, что, доказав наличие в Малой Азии сельских общин и изучив характерную для них идеологию, автор подтверждает возможность использования культовых памятников для достаточно надежного заключения о наличии общинного устройства и в ряде областей западной половины Империи, для которых непосредственные свидетельства по организации местного крестьянства гораздо более скудны, чем для Малой Азии, религиозные же памятники, происходящие из сельских местностей, достаточно многочисленны. Обращение к ним как к источнику изучения не только идеологии, но и организации сельского населения открывает дополнительный путь к решению чрезвычайно важного и дискуссионного вопроса о типах и взаимоотношениях общин в античном мире, вопроса, непосредственно связанного со всей проблемой выявления закономерностей, специфики, развития и упадка этого мира.

Е. М. Штаерман

С. И. РАДЦИГ, *История древнегреческой литературы, изд. 4-е*, М., «Высшая школа», 1977, 555 стр.

«История древнегреческой литературы» известного крупного специалиста в области классической филологии Сергея Ивановича Радцига вышла четвертым изданием. Книга эта посвящена слушателям покойного профессора (стр. 7). Знаменателен самый факт выхода в свет книги в четвертый раз (первые два издания вышли при жизни автора, вторые два — посмертно).

Труд С. И. Радцига, несомненно, отвечает определенной потребности нашей высшей школы; речательством в этом служит ее успех у нашей учащейся молодежи